

Клавдию Асееву, живущую в родном городе Карачеве, хорошо знают на Брянщине и за ее пределами. Она автор пяти книг, член Союза писателей России, член Союза журналистов. Лауреат литературных премий «На земле Бояна» и «Серебряная Лира» имени А. К. Толстого. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Читателей привлекает сердечная отзывчивость поэтессы на все, чем живет человек. В калейдоскопе тем отражается ее привязанность к отчужденному краю, любовь к родным и близким, беспокойство о судьбе Родины, российской провинции. В ее творчестве нераздельны человек и природа, осмыслена цель нашего бытия, приоритетна духовность. И о чем бы ни писала Клавдия Асеева, все пронизано светом любви к людям, природе, жизни.

Книга, о которой я пишу, так и называется — «На языке любви» (Брянск: Издательство «Аверс», 2019 г.)

По названию можно судить о главной теме книги. Содержание первых двух разделов сборника — «Звонок из прошлого» и «Исцели свою душу любовью» — составляют отношения мужчины и женщины. Дальше тематика расширяется, но любовная лирика не исчезает, потому что в ней находит отражение важнейшая ипостась женской судьбы. Как анализировать эти произведения? Сам предмет образного воплощения стихийно, загадочен, индивидуален. Но в заманчивом путешествии по лабиринтам жизни души нас сопровождают искренность и исповедальность лирики — важнейшие условия для читательского сопереживания и проникновения в тайнопись сердца.

Эта стихотворная подборка читается как повесть с единым сюжетом в классическом варианте. **Встречи; печаль, горечь расставаний; снова встречи; разлука навсегда; осмысление финала.** Много, много грусти, потому что в целом это печальная повесть о несостоявшемся союзе женщины и мужчины. По какой-то причине герои этого сюжета разошлись, разъехались, разъединили, казалось бы, неизбежную общую судьбу. Но вот что удивительно: по мере чтения как будто начинаешь завидовать лирической героине. Ее чувства так сильны и неизбывны, что заполняют бытие без остатка. В переменчивости настроений — игра самой жизни, заражающая нас приливом чувств, необходимых для души. Не получилось счастья, но любовь никуда не исчезает: она остается в воспоминаниях, снах, желаниях...

Для Клавдии Асеевой понятия «любовь» и «счастье» — это разное. Счастье — мечта, представление о состоянии гармонии с собой и миром, воплощение идеала.

Иногда судьба дарит человеку счастливые моменты. Но счастье не равно любви, заставляющей человека испытывать не только радость, но и боль, страдание, отчаяние... Лирическая героиня делает четкий выбор:

*Ты — наваждение мое,
Мой горький рок, мое ненастье,
Беда моя, но все же ее
Не променяю я на счастье.*

*Тобою выжжена душа.
Но эту боль свою лелея,
Как будто угли вороша,
Я не могу расстаться с нею... («Ты — наваждение мое...»)*

Так и живет любящая женщина, испытывая сложные и переменчивые чувства. Она переживает удары измен, отчаяние и неразделенную печаль, обиды, но и — радующую нежность, теплоту взаимопонимания и восторг ответного порыва... Какая женщина не переживала таких чувств? Лирическая героиня Клавдии Асеевой не исключение. Радости и печали не наиграны, не артистичны. Они естественны и искренни, поражают глубиной и силой. Поэтесса всегда находит точное и ясное слово, передающее правду чувства. Меняются обстоятельства, идет время, но, кажется, что любовь становится с годами лишь сильнее:

«Мне с тобой хорошо и плохо. / И никто без тебя не нужен». (Я напьюсь воды из колодца); *«Только я между былью и небылью / Все равно твое имя прочту»* (Чуть вздохнет ветерок на поляне...); *«Но что же тут делать, коль чаще и чаще / Мне в жизни моей не хватает тебя?»* (Все, вроде бы, есть. И семья, и работа...); *«Каждой прожитой морщиной / Все одно — к тебе стремлюсь».* (Перед Богом — все равны); *«Я все еще не верю в наш разрыв, / В неотвратимость тягостной утраты...»* (Я все еще не верю в наш разрыв...); *«...Что там петь, мне дышать неохота — / Так остро опять не хватает тебя».* (Все, вроде бы, есть. И семья, и работа...)

В развитии темы верности чувству любви у Клавдии Асеевой есть маленькие шедевры с пронзительной интонацией, предельно насыщенные гаммой чувств:

*Цветы, подаренные Вами,
Еще цветут в моем окне.
С какими нежными словами
Вы их преподносили мне.*

*И я сегодня, вспомнив это,
В них снова воду заменяю...
Но только лето, наше лето
Уже завяло на корню. («Цветы, подаренные Вами...»)*

Это наши женщины умеют так любить: сильно и навсегда, ничего не требуя взамен:

*«Мне ничего не надо от тебя.
Пусть будет так, как есть. Как получилось...»* (Мне ничего не надо от тебя).

Это наши женщины способны нести по жизни свет любви, прощая обиды:

*«И я живу опять на перепутье,
Еще сильнее, может быть, любя.»*

*Всей кровью, всей нехитрой женской сутью
Я жду, чтобы опять простить тебя». (Ты предавать меня не разучился...)*

Наши женщины, расставаясь навсегда, желают избраннику только добра:

*«Над тобой совсем другое небо...
Пусть в нем будет больше синевы,
А под ним — добра тебе и хлеба,
И зеленой свежести листвы». (Над тобой совсем другое небо...)*

Лирика Клавдии Асеевой — как глоток родниковой воды. В ней нет места агрессивным настроениям, желанию мстить, упрекам, жалобам на судьбу, и поэтому грусть-печаль светла, чиста, возвышенна. Такова общая тональность стихотворений. Они выстраиваются в соответствии с логикой развития чувства женщины. Иначе не может быть, потому что автор — женщина. И финал «повести» характерен для жизни русской женской души:

*Было все — и любовь, как награда,
И удачи затейливый миг.
Что теперь в этой жизни мне надо?
Божий лик. (Дни становятся все короче)*

Конечно, в книге два героя: **Он и Она**. Его присутствие в поэтическом пространстве постоянно, оно мотивирует эмоциональное состояние героини, хотя имеет и самостоятельное значение. Клавдия Асеева создает очень интересный образ избранника женского сердца. Он индивидуализирован. У мужчины свой характер, черты внешности, привычки, манера говорить, интересы, своя линия жизни. Он хорошо представим и узнаваем в каждом сюжете. Кажется, что лирический герой буквально списан «с натуры». Ничего подобного! При внимательном чтении мы начинаем понимать, что это **собирательный образ**, созданный по впечатлениям от разных лиц и событий, происходивших в жизни, а также возникающий в воображении. Рисуете идеал, человек мечты, с каким хотелось бы идти по жизни рядом. Не потому ли и сравнивается Любимый то с рыцарем, то с князем («Плодоносит яростно шиповник»); а вот он царь и Бог («Жив курилка!»), витязь («Мнится образ витязя / мне сквозь призму слез...»). И живет Он «в самой дальней, в самой звездной стороне» («Жив курилка!»). Обращение «ты» как будто непроизвольно меняется на «Вы»: «Мне в Вашем саду невеликом / запомнилась больше всего...» («Базилик»); «Не говорите лишних слов — / В молчаньи Вашем больше смысла...» («Не покупайте мне цветы...»); «Я улыбкой Джоконды / Вас, незваного, встречу». («Иронические стихи»)... А вот интересный вопрос: «Но кто же ты? / Но кто же ты? / Я жду тебя давно» («По краешку...»). В этом нет удивительного — женщина всегда любит немножко воображаемого мужчину. Обратим внимание также на то, что ни одно стихотворение не адресовано конкретному лицу. **Говоря о личном, поэт всегда говорит об общем** — это азбука поэтического творчества. Индивидуализируя образы участников лирической драмы и обобщая характер их взаимоотношений, Клавдия Асеева воплощает свою концепцию любви.

В поэтическом пространстве книги **Он и Она** — два разных мира. Женщине свойственно идеализировать. Ее любовь жертвенна: «Иду к тебе отчаянно, / Себя не берегу» (По краешку...). Мужчине сложно соответствовать идеалу. Лирический герой эгоистичнее, он, по-видимому, больше занят собой, и все у него нормально:

«Мне до тебя не дозвониться, / Не достучаться, не дойти. / Я, словно раненая птица, / Отстала вдруг на полпути. / А ты — вожатый птичьей стаи — / Летишь,

расправив два крыла...» (Мне до тебя не дозвониться...); *«Есть жизнь у тебя своя. / В ней есть у тебя жена. / В той жизни чужая я»* (Зачем я тебе нужна)...

Время от времени сила чувства уравнивает героев драмы. Таинственная стихия влечет друг к другу, и уже Он готов рисковать своим благополучием, ища встречи с Нею:

*Мы не виделись целое лето,
Расцвели и опали цветы,
И уже по осенним приметам
Станешь счастье разыскивать ты.*

*С грустью вспомнишь свою недотрогу,
Сигарету раскуришь в ночи,
И начнешь собираться в дорогу... (Мы не виделись целое лето...)*

Несовпадение или совпадение самоочувствий героев определяет в стихотворениях эмоциональное напряжение, его характер и тональность. Поэтессе всегда удается найти единственно верное художественное решение, чтобы передать сложнейшую жизнь души. Она делает это, не прибегая к модной сейчас в литературе гиперметафоризации, впечатляя лишь правдой чувств, ясным, понятным каждому человеку речением. Как это делается? Попробуем заглянуть в творческую лабораторию автора.

Многие стихотворения Клавдии Асеевой — это маленькие пьесы с сюжетами для двоих. При этом художественное пространство наполнено «живыми» картинками, где есть хорошо представимое место действия и осязаемое время. Поэтическое самоочувствие вписано в конкретную картинку, не экзотическую, а узнаваемую, знакомую многим из нас: аллея в парке, у озера, лесная тропинка, у себя дома или в гостях, расставание на вокзале, неожиданный звонок по телефону и т. д. Приметы реальности несут смысловую и эмоциональную нагрузку, нередко **замещающую название чувства**. Это в поэзии Клавдии Асеевой — **фигуры высшего пилотажа**:

*Рухнул мир.
Упало небо.
Тихо ахнула звезда.
Ты ушел, как будто не был.
Без тебя — куда? Куда?
Без тебя не бьется сердце,
Без тебя не греет печь,
Завалилась лавка в сенцах —
И самой бы рядом лечь...*

*Ты ушел,
И нет возврата.
Были вместе — стали врозь.
Пошатнувшаяся хата
Обезумела от слез.
Смотрит вслед тебе окошко:
Ну, куда же ты, родной?
Запах жареной картошки
Остывает за спиной. (Рухнул мир).*

Обратим внимание: чувства лирической героини не названы ни разу. Попробуем это сделать и — убедимся, что каждое в отдельности понятие недостаточно и сужает

спектр переживания. Оно шире возможных определений. Да разве и так не понятно? Все — в картинке.

Смысл многих прекрасных стихотворений Клавдии Асеевой не декларируется, уходит в подтекст. В ее тайнописи есть особенная прелесть; она близка к самой жизни чувств с их стихийностью, невысказанностью, невыразимыми нюансами, едва уловимой переменчивостью... Например, «Дождь в Новозыбкове». О чем Он и Она ведут разговор? Какие испытывают чувства? Сделаем выписку:

Ты встретишь меня с затаенной улыбкою

И скажешь:

— Приехала? Что же, я рад.

Отвечу:

— Я тоже. Но дождь в Новозыбкове

Идет уже третьи сутки подряд.

— Прости. Это осень дорогою зыбкою

Крадется за нами с тобой по пятам.

Ты слушаешь?

— Да. Только дождь в Новозыбкове,

Я, кажется, что-то оставила там...

И дальше идут реплики невпопад, каждый думает о своем, но о самом главном в эти минуты, и проживается еще один эпизод общей драмы. Психологизм глубокий, при этом язык стиха простой и ясный. Это нельзя сочинить, так надо чувствовать...

В лирических переживаниях Клавдии Асеевой нет фальши, намеренности, нигде нет и намек на назидательность, риторика практически исключена. В доказательство можно привести любое стихотворение книги. В произвольных, кажется, свободно льющихся на бумагу откровениях души чувствуется присутствие таланта, природной данности, которой нельзя подражать.

И все-таки. Работа над словом очевидна. В выборе художественных средств есть продуманность, много языковых находок, которые не бросаются в глаза, потому что непротиворечиво вписаны в контекст. Метафоры точны, свежи, эмоциональны, неожиданны...

В поисках образности Клавдия Асеева постоянно обращается к природе. В этом нет удивительного. Природа традиционно для нашего человека — утешительница, источник гармонии и красоты. Для русского сердца она всегда спутница в его душевных переживаниях. Обращение к образам природы для выражения чувств человека восходит к народной лирической песне, распространенному в народных текстах художественному параллелизму. От поэта здесь требуется почувствовать, увидеть знаки природы, соответствующие настроению человека, или, наоборот, противоречащие ему в рамках художественной задачи. У Клавдии Асеевой есть такие выразительные находки, которые и вне текста несут самостоятельную поэтическую энергию:

«Вяжет рот осенняя рябина, / Брызжет соком ягода в руке. / Жизнь прошла. / Любила — не любила? / Все осталось в давнем далеке...» (Вяжет рот осенняя рябина...); *«Ведь меня, твоей улыбки кроме, / Ничего не держит на земле... / И шиповник капельками крови / В предвечерней брызжет полумгле»*. (Плодоносит яростно шиповник); *«Сквозная роица вдалеке — / Так одиноко и уныло. / Слеза забытая застыла / На увядающей щеке»*. (Диптих); *«Я старинные приметы / Заучила наизусть, / Знаю, вымокшее лето / Нарыдало эту грусть»*. (Я кричу тебе с порога...); *«Я напьюсь воды родниковой, / Ключевой, бьющей прямо из глуби, / И от той водицы искомой / полыхнут огнем мои губы»*. (Я напьюсь воды из колодца...); *«Расплескалась грусть-печаль моя / В ярко-розовый закат, / Иван-чай цветет отчаянно / Вдоль дороги возле хат»*

(Иван-чай); «Затаю дыханье зыбкое, / Опушу глаза серьезные — / В них моя надежда поздняя / Золотую плещет рыбкою». (Привыкаю к старой мебели...); «Зимний вечер выгнул спину, / Черный кот мелькнул в тиши. / Я рябиной горькой стыну / На краю твоей души». (Первых заморозков иней...); «Осенний дождь слегка накрапывал, / И мыслям было тяжело. / Твой клен еще зеленой лапою / Печально бился мне в стекло». (Осенний дождь слегка накрапывал...); «Ты и я. И осень нам навстречу / Золотое бросило кольцо. / С неба, как подарок, в тихий вечер / Звездочка скатилась на крыльцо». (Сентябрь)...

Найдется ли тот, кто не услышит в этих строчках **переклички с народным образным словом**? Клавдия Асеева — из тех художников, в ком не прервалась связь с народной языковой стихией...

Музыкальность лирики Клавдии Асеевой как благозвучие, качество стиля также сопоставима с напевным языком народной сказки, лирической песни... Мы не найдем в ее произведениях слов или фраз, которые выбивались бы из звукового, ритмического рисунка стиха, «резали бы слух», нарушали бы мелодичную основу звукописи. Это абсолютное чувство стиля. Многие стихотворения читаются, как будто поются песни или романсы:

*Пора туманов и дождей
Тебя внезапно растревожит.
Покажется, что новый день
Опять не так тобою прожит.*

*Что в нем, страдая и любя,
Ты что-то все же не заметил,
И кто-то вновь зовет тебя...
А может, это просто ветер? (Пора туманов и дождей...)*

Есть поразительная особенность лирики Клавдии Асеевой — волшебная **игра со временем**. То, о чем пишется, как будто когда-то уже происходило, состоялось или происходит сейчас, но как будто еще только готовится свершиться. Глаголы упорно употребляются в будущем времени:

«*Чуть вздохнет ветерок на поляне, / И покажется — мы не одни*; «*Я напьюсь воды из колодца, / Ледяною влагой умоюсь...*»; «*Переменится погода, / Смолкнет ветер, как дитя... / — Да какие наши годы! — Ты ответишь мне, жутя...*»; «*Я голос твой однажды не узнаю, / И в трубку телефонную дыша, / Скажу, что нет меня...*»; «*Ты несколько слов на прощание кинешь мне, / Я их не пойму за вагонным стеклом...*»; «*На Ивана Купалу / Я костры разведу, / Где заря не ступала, / Тайной тропкой пройду...*»

В пределах даже одного произведения прошлое смыкается с настоящим, а настоящее перетекает в будущее. И поэт слышит фатальное течение времени:

*Вишневый сад. Вишневый цвет.
Вишневый аромат столетий.
И нет любви. И счастья нет.
И вечно лишним будет третий.*

*И невозвратность бытия.
И невозможность повторенья.
Еще не слышим, ты и я,
Как рубят сад наш в уопеньи.*

Скрещение времен в стихотворениях Клавдии Асеевой — это не прием, не способ письма, это — угол зрения, особенность восприятия жизни, признак философского ее осмысления. Художественная философия не равна выводу, формулировке, она не отграничена в тексте, а разлита в стихотворении, передается через образ, наполненный мыслечувствованием. У Клавдии Асеевой находим не один образец поэтической философии:

*Расщедрился август в последние дни,
И солнце прошло по листве позолотой.
На озере нашем мы снова одни,
Но, кажется, вновь недосказано что-то.*

*Волною качнуло заброшенный плот —
Чуждой островок в камышовом наряде.
На нем наше лето с тобой уплывет,
И осень тихонько на берег присядет. (Предосенье).*

Как краток счастливый миг! В представленной перспективе еще дороже кажется эта встреча у озера, августовская красота в солнечной позолоте, нарядный островок... Игра со временем дает ощущение текучести или быстротечности жизни, что, в свою очередь, ненавязчиво, косвенно приводит к пониманию ценности всего, что нам дано судьбой. А наша душевная стойкость вознаграждается хоть краткими, но бесценными дарами:

*И все-таки, пускай теперь нечасто
Весенний день нам головы кружит,
Мы знаем, что бывает в жизни счастье.
Случается. И значит, стоит жить. (Юбилейное).*

В последующих разделах книги («Родство», «Листопад», «Переулочек детства») тема любви расширяется. Здесь стихи о матери и отце, о малой родине и России, детстве, волнующих событиях, много посвящений конкретным людям — родным, друзьям, писателям, с кем поэтесса связана по жизни. В этой части книги корректируются жизненные приоритеты. На первый план выходят стихотворения о любви к родине, матери и отцу, кто дал жизнь и определил нравственные векторы в судьбе:

*Я к старым возвращаюсь именам,
Я так же песни старые люблю.
И мне моя родная сторона
Всегда — как в бурю гавань кораблю. (Старое...)*

Это поэзия самого высокого звучания: «Милая моя родина...», «Как оторваться от родной земли...», «Опустевшая деревня», «Родство», «Мама», «Отец мой печи клал отменно...» и др. Стихотворения, пронзительные до слез. Они сколь индивидуальны, столь общечеловечны. Читая их, кажется, что поэт услышал голос твоего сердца, нашел слова единственные, но знакомые и простые. И опять не случайно поэтесса переходит на народный язык. Он — в выборе отдельных слов, речевых оборотов, интонаций, как, например, в стихотворении «Горе-горюшко». Его невозможно назвать стилизацией. Живое слово любящей души.

Есть темы, которые предполагают слово «громкое», яркое, звучное, когда поэт говорит «во весь голос». Но прочитаем стихотворения «Письмо с дороги», посвященное белорусской поэтессе Таисии Мельниченко; «Родник», «Над Сожем», «И

снова ваша мова» (друзьям-белорусам), «Сколько прожито в России...» о гомельских друзьях... Обычно такие стихи читаются со сцены, на праздниках. Но Клавдия Асеева все равно переходит на свой, трепетный, негромкий голос, потому что душевнее — тихое слово. Она сама говорит об этом в стихотворении, давшем название сборнику: «*На языке любви / Цветы молчат*». Не имеют официального звучания и стихотворения о героическом прошлом нашей страны: «Называла пьяницей жена...», «Фронтальной медсестре», диптих о подводной лодке «Курск»...

Проникновенные посвящения друзьям-литераторам, современникам и классикам не «датские» по сути, то есть приуроченные к датам. Читая их, чувствуешь выстраданность темы, ее неслучайность в творческом развитии. Таковы посвящения братьям по перу, брянским поэтам, А. Г. Мехедову, С. П. Кузькину, любимым классикам Ф. И. Тютчеву, А. К. Толстому, М. Ю. Лермонтову... В осмыслении литературных судеб вырабатывается свое представление о задачах творчества, критериях мастерства, примерах состоявшейся творческой личности. Вот — интереснейшее стихотворение-итог:

*Что в этой жизни земной нам обещано? —
Светлая тайна лесных родников,
Родина, мама, любимая женщина
Есть у поэта вовеки веков.*

*Что в этой жизни? Какая отметина
Имя его сохранит на ветру?
Песню пропел он — и роца ответила
Голосом птиц в вышине поутру.*

Стихотворение посвящено памяти прекрасного поэта из Орла Виктора Дронникова, а в нем — ответ на вопрос о смысле творчества. Успех, популярность, растиражированность — не то, что обеспечивает поэту память на века. Прежде всего — это чувство родины, слияние слова поэта с жизнью родной земли, сила ощущения родства с нею.

Прекрасный поэт живет в Карачеве. Ее поэзия целительна. Закрывая книгу, понимаешь: можно что-то в жизни потерять; могут не сбыться желания, мечты... Но нельзя не любить людей, природу, жизнь. Потому что жизнь и есть любовь. Эта мысль легла в основу стихотворения, посвященного Ф. И. Тютчеву: «*Любил он гордо и отважно. / Любил он тайно. Разве важно? // Ведь главное — любил...*» (Ф. И. Тютчев). Так в книге Клавдии Асеевой сомкнулись: концепция личности любимого поэта и концепция любви. Если в душе поэта живет любовь, он открыт жизни:

*Послушай, как растет трава,
Когда весной земля проснется,
И закружится голова,
И новый день с любви начнется.*

*И твой сегодня каждый шаг
Особой вехою отмечен.
И вечен май. И мир наш вечен.
Да будет так.*

К. Асеева

